

Дубровская Татьяна Викторовна

Пензенский государственный университет,
Россия, 440026, Пенза, ул. Красная, 40;
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
gynergy74@gmail.com

Лексические маркеры единения в российских государственных программных документах: слова с морфемой *-един-**

Для цитирования: Дубровская Т. В. Лексические маркеры единения в российских государственных программных документах: слова с морфемой *-един-*. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (4): 740–759. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.406>

В статье исследуются лексические единицы с корневой морфемой *-един-* как маркеры семантики единения. Цель состоит в выявлении принципов функционирования данных единиц и их роли в кодификации социальных категорий. Материалом исследования выступает российский политико-правовой дискурс: государственные стратегии и концепции, кодифицирующие различные социальные процессы, включая объединение и разъединение социальных акторов. Методологический подход опирается на лексическую семантику, семантический синтаксис и дискурс-анализ, а также на положения социального конструкционизма, в которых утверждается способность дискурса конструировать и фиксировать факты социальной действительности. Процедура анализа включает выявление лексических единиц с корневой морфемой *-един-* в текстах, определение их комбинаторики и особенностей семантико-синтаксических отношений между компонентами словосочетаний, выявление семантики единиц в контекстах и их функционально-прагматического потенциала. В материале выявлены 11 лексических единиц с корневой морфемой *-един-* (всего 80 употреблений). Они встречаются в окружении друг друга и иных единиц с семантикой единения, совокупность которых актуализирует функционально-прагматический потенциал документов — направленность на продвижение идей единства. Лексемы дифференцированно используются в разных контекстах, в сочетаниях с материальными и нематериальными сущностями, и дифференцированно реализуют набор словарных значений. С точки зрения языковой системы слова с морфемой *-един-* имеют нейтральный или положительный аксиологический статус, однако отрицательно-оценочная семантика может конструироваться контекстуально, за счет использования атрибутов с отрицательной коннотацией. Структурно разные типы словосочетаний позволяют концептуализировать единство как свойство, характеризующее субъект действия, а также как объект регулирования со стороны государства. Единство концептуализируется как характеристика разных общественных сущностей и явлений и конструируется в нескольких измерениях: материальном (единство инфраструктуры страны), пространственном (единство терри-

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

тории), ценностном (единство общественных ценностей и установок) и темпоральном (историческая и межпоколенческая преемственность).

Ключевые слова: лексика, семантика единения, словосочетание, контекст, политико-правовой дискурс.

Введение

Настоящая статья представляет некоторые результаты выполнения научного исследования «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс», посвященного изучению лексических и фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих семантику единения и вражды. Общая задача исследования состоит в создании комплексного описания и систематизации лексико-фразеологических средств выражения семантики вражды и единения во всем многообразии их проявлений. Материал исследования весьма обширен как с точки зрения количества лексических гнезд с обозначенной семантикой, так и с точки зрения социальных процессов, представленных данной лексикой. В силу этого в рамках данной статьи мы ограничиваемся обращением к лексике с корневой морфемой *-един-*, выделяемой на основе изучения текстов трех государственных программных документов: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹ (далее — СГНП), Концепции внешней политики Российской Федерации² (далее — КВП) и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³ (далее — СНБ).

Современный социально-политический контекст, как глобальный, так и российский, характеризуется неопределенностью и нестабильностью, которые были усилены в последние два года ситуацией пандемии. Как отмечают социологи и политологи, турбулентное состояние общества способствует появлению запроса на солидарность: «Во время переходных состояний, в условиях неопределенности и рисков в обществе усиливается потребность найти нечто общее, что побуждает разных людей держаться вместе» [Сауткина 2019: 70]. В. А. Сауткина исследует феномен солидарности как фактор развития институтов взаимопомощи индивидов, социальных групп и сообществ, отмечая, что этот феномен «становится предметом самых различных дискурсов — идеологических и политических» [Сауткина 2019: 70]. Об интеграционных процессах в российском обществе пишет З. А. Жаде, понимая под интеграцией

меру сцепления разнородных действующих элементов в обществе (институтов, групп, индивидов) в единую целостность, системность, которая возникает на основе совпадения целей и интересов и способствует развитию общества [Жаде 2020: 187].

---

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666). Некоммерческая интернет-версия компьютерной справочной правовой системы «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640). Сайт Президента России. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 15.03.2021).

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683). Некоммерческая интернет-версия компьютерной справочной правовой системы «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

Ученые отмечают высокий интеграционный потенциал сложных для общества ситуаций, обозначая такие явления, как «феномен общей беды» [Жаде 2020] или риск-солидарность [Сауткина 2019]. Интеграция, солидарность и общественный консенсус как формы единения всегда рассматриваются в тесной связи с противоположными явлениями — дезинтеграцией, противостоянием, враждой:

...взаимосвязь уже устоявшихся и вновь образующихся форм объединения людей, даже и с ярко выраженным протестным мотивом, становится не отклонением, а нормой социальной жизни. Любой аспект идентичности различных субъектов может послужить основой солидаризации с представителями одной из них против другой [Сауткина 2019: 73].

Важно заметить, что процессы общественного единения и солидарности часто описываются в терминах дискурсивных практик: даже лингвисты признают принципиальную роль дискурса в формировании общественных идеологических ориентиров, в том числе дискурса взаимодействия власти и общества [Жаде 2020; Ручкин 2015]. Дискурсивные практики единения (согласия, солидарности) таких сфер бытования языка, как повседневное общение, медиапространство, социальные сети, политическая и бизнес-коммуникация, рок-поэзия, достаточно широко исследовались в дискурс-анализе (см.: [Гаврилова 2010; Джиева, Тамерьян 2017; Михайленок 2013; Вепрева и др. 2006; Baxter, Wallace 2009; Lipovsky 2008; Mango 2010; Parepa 2017; Sowińska, Dubrovskaya 2012] и др.). Однако ситуация представляется нам несколько парадоксальной, поскольку за рамками исследовательского интереса до сих пор остается единение, как оно представлено в дискурсе юридическом и политико-правовом. Между тем именно эти типы дискурса непосредственно регламентируют характер властных, экономических, межэтнических, семейных и даже межличностных отношений в любом обществе и являются базисом для выстраивания всех остальных дискурсивных практик. Исследование единения в юридическом дискурсе мы начали ранее и обратились к топосу народного единства как одному из основополагающих в конституциях РФ и США [Дубровская 2017]. Данная статья продолжает развивать указанное направление на материале политико-правового дискурса — государственных стратегий и концепций.

Следует отметить, что в рамках заявленного грантового проекта мы исследуем общее семантическое поле единства/единения в разных типах дискурса и поэтому применяем в своих рассуждениях слова «единство» и «единение» как синонимы, независимо от их смысловой специфики. В тех случаях, когда смысловые оттенки важны, мы это оговариваем. В название статьи вынесена лексема «единение» как соответствующая заявленной теме проекта.

Материал

Выбор обозначенных документов в качестве материала исследования не случаен и объясняется тем, что они представляют собой важные политико-правовые тексты, которые определяют цели и принципы национальной политики РФ, а также систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики страны. Что касается СНГ, то она касается как внутренней,

так и внешней политики и определяет стратегические национальные приоритеты России. Таким образом, указанные программные документы охватывают ключевые принципы, лежащие в основе существования страны, наиболее важных акторов социальных отношений и их конфигурацию.

Категоризация социальных акторов в СГНП (народ, нация, государство, граждане, зарубежные соотечественники, мигранты) и концептуализация отношений в типичных парах этих акторов [Дубровская 2017] позволяют утверждать, что отношения между акторами нередко конструируются как варианты объединения и разъединения. При этом две разнонаправленные тенденции подлежат регулированию посредством нормативных документов, как собственно юридических, так и политико-правовых, в которых происходит кодификация социальных отношений. Как одну из характеристик юридического дискурса Е. А. Кожемякин отмечает то, что «коммуниканты создают образ желательного или необходимого в будущем, проектируют будущее положение вещей и формируют нормы его построения» [Кожемякин 2008: 129]. Данное положение в полной мере характеризует политико-правовые документы, к категории которых теоретики права относят государственные стратегии и концепции. Такие тексты «имеют не “чисто” юридическое, но политико-правовое содержание и являются средством выражения (формулирования) правовой политики» и «самым существенным образом влияют на формирование практически всех остальных элементов правовой системы России» [Мушинский 2015: 488]. Подобно собственно законодательным текстам, стратегии и концепции ориентированы на будущее и дискурсивно конструируют идеальный социальный порядок.

Кроме того, используемые в качестве материала тексты объединены общей идеей — нацеленностью на укрепление государства и его единства:

...в целях... укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации (СГНП, п. 2);

...укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу (СНБ, п. 1);

...обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности, укрепление правового государства и демократических институтов (КВП, п. 3).

Заявленные в документах цели обуславливают применение широкого пласта лексики с семантикой единения, в частности лексики с корневой морфемой *-един-*, функционирование которой и является непосредственным объектом рассмотрения в данной статье.

Цель и задачи

Цель проведенного исследования состояла в том, чтобы выявить принципы функционирования лексических единиц с корневой морфемой *-един-* в политико-правовых документах и их роль в кодификации социальных категорий. Эта цель достигается посредством решения следующих задач:

- выявление всех лексических единиц с корневой морфемой *-един-* в текстах;

- определение комбинаторики данных лексических единиц и особенностей семантико-синтаксических отношений между компонентами словосочетаний;
- выявление семантики единиц с учетом контекста исследуемых документов;
- определение функционально-прагматического потенциала обсуждаемой лексической группы.

В более общем смысле проведенное исследование дает ключ к пониманию того, как политико-правовые документы формулируют генерализованные принципы общественного устройства, которые затем реализуются в конкретных социальных практиках. Кроме того, работа обращена к общетеоретической проблеме различения системно-языковых и контекстуальных значений. Таким образом, исследование имеет научно-теоретическую значимость как для лингвистики, так и для общественных наук.

Метод и процедура анализа

Представляя разные подходы к описанию лексики, Е. В. Генералова выделяет следующие: словоцентрический (лексицентрический), выдвигающий в центр описание слова как единицы лексико-семантической системы; текстцентрический, описывающий слово с опорой на текст и как составляющую текста; словарноцентрический, интерпретирующий языковой материал на основе словарей; а также антропоцентрический, обращенный к слову как к прагматической единице, реализующей определенные функции [Генералова 2018: 9–10]. Поставленные нами задачи обуславливают последовательное движение анализа от морфемы к слову и далее к дискурсу: с одной стороны, лексическая группа изучается как совокупность однокоренных слов, связанных парадигматически и вступающих в синтагматические отношения с другими единицами (т. е. как часть языковой системы); с другой стороны, выделенная лексика в контексте рассматривается как форма реализации стратегических установок создателей документа (т. е. как элемент дискурса). Полагаем, что в такой комбинации нет принципиального противоречия: взаимодействие и диалектическую связь между семантической и функциональной сторонами лексической единицы отмечает Н. Д. Голев [Голев 2019]. Традиционному подходу к описанию семантики слова, в котором «контексты выступают как средство иллюстрирования семантики», Голев противопоставляет концепцию, в которой семантика слова «напрямую вытекает из коммуникативной функции языка» [Голев 2019: 114].

Кроме того, что мы опираемся на понимание семантики слов как обусловленной контекстуально, мы также принимаем во внимание общетеоретические положения конструкционизма, лежащего в основе критического дискурс-анализа, и рассматриваем политико-правовые документы с точки зрения конструирования в них социальной действительности.

Таким образом, опираясь в нашем подходе на лексическую семантику, семантический синтаксис и дискурс-анализ, мы предлагаем пошаговую процедуру анализа на основе следующих исследовательских вопросов и шагов:

- какие лексические единицы с корневой морфемой *-един-* используются в текстах документов? (шаг: автоматическая выборка соответствующих лексических единиц и составление списка используемых единиц);

- каковы значения выделенных единиц, закрепленные в системе языка? (шаг: дефиниционный анализ);
- в какие синтагматические отношения вступают выделенные лексические единицы и как их словарные значения трансформируются в разных контекстах употребления? (шаг: выявление комбинаторики единиц и семантики выделенных словосочетаний и контекстов);
- каким социальным акторам приписываются отношения единства и каковы прагматические импликации таких репрезентаций? Каков аксиологический статус единения в разных контекстах? (шаг: контекстуальный анализ).

Для работы с текстами, в частности выявления интересующих нас единиц, их частотности, получения синтагматической информации (данных о типичных коллокациях лексических единиц) и ее сортировки, было использовано программное обеспечение MonoConc Pro 2.2. Отметим, однако, что собственно корпусный анализ текстов не был задачей исследования, а программное обеспечение применялось для облегчения поиска единиц и контекстов употребления, упорядочивания их списков, а также для проведения некоторых подсчетов.

Анализ

Лексическое гнездо с корневой морфемой -един-

Лексическое гнездо считают «одним из способов группировки лексики с учетом семантики и словообразовательных связей» [Пятаева 2003: 42]. В данной работе мы опираемся на следующее определение: «...лексическое гнездо... — общность однокоренных слов, в составе которой слова связаны по значению, грамматическим свойствам, морфемной и словообразовательной структуре» [Пятаева 2003: 42].

Обработка текстов обозначенных документов позволила выявить 9 лексем с корневой морфемой *-един-* с общим количеством употреблений, равным 80. При этом глагол *объединять* представлен также его морфологическими формами — причастиями *объединяющий* и *объединенный*. Представим список выявленных лексических единиц: *единство, единый, единение, объединение, объединять, объединяющий, объединенный, присоединиться, соединенный, объединительный, единообразный*.

Словообразовательное гнездо с корневой морфемой *-един-*, как оно представлено в словообразовательном словаре А. Н. Тихонова [Тихонов 1990], весьма обширно. Отмеченные в нашем материале единицы, безусловно, не охватывают всего богатства словообразовательного гнезда, однако их значительное количество позволяет выстроить словообразовательную схему. Отношения между выявленными единицами с морфемой *-един-* представлены ниже (рис. 1). Жирным шрифтом выделены те единицы, которые обнаружены в нашем материале. Обычным шрифтом даны слова, которые не встречаются в материале, но необходимы для восстановления словообразовательных связей. Причастие *объединяющий* приведено в скобках в поле соответствующего глагола, поскольку не включено в словообразовательное гнездо как отдельная единица.

Вершиной гнезда является прилагательное *единый*. Оно, а также слова *единство, объединение* и *объединенный* востребованы во всех трех текстах, тогда как

другие лексемы равномерно распределены по разным текстам. Очевидно, что для объяснения этого явления необходимо привлечение контекстов и прагматической информации. Так, единица *соединенный* (4 употребления) встречается только в названии страны Соединенные Штаты Америки, не имеет отношения к дискурсивному конструированию семантики единения, связанной с Россией, и может быть исключена из рассмотрения. В то же время единица *объединенный* (10 употреблений), которая встречается только в названии Организации Объединенных Наций, представляет интерес для исследования, поскольку название организации встречается в контекстах, конструирующих единение России с другими международными акторами. К этим контекстам мы обратимся далее.

Словообразовательная схема представляет для нас точку отсчета для выявления особенностей функционирования обозначенных единиц в тексте.

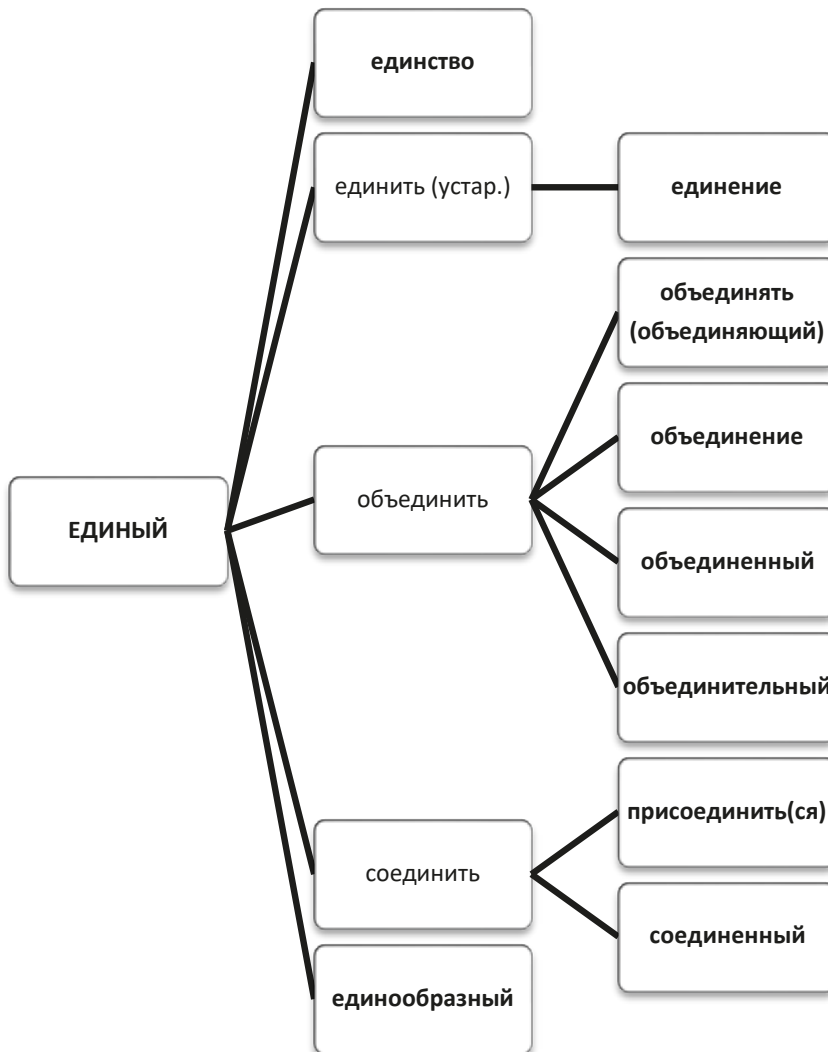

Рис. 1. Словообразовательные связи единиц с корневой морфемой -един-

Комбинаторика лексических единиц и их смысл в контекстах

В данном разделе мы рассмотрим, в каких словосочетаниях и более широких контекстах встречаются изучаемые единицы и как эти контексты определяют объем значений изучаемых единиц.

Приведем сначала обобщенные количественные данные, сопоставляющие исследуемый корпус и изученный ранее текст Конституции РФ (см. табл.).

Таблица. Количественные данные

Корпус	Документы	Общее количество словоупотреблений	Количество употреблений единиц с -един-	Употреблений единиц с -един-, %	Набор разных лексических единиц
1	Конституция РФ	14871	31	0,21	5
2	СГНП СНБ КВП	21865	80	0,36	11

Из таблицы видно, что частотность единиц с морфемой *-един-* в исследуемом корпусе выше, а набор лексических единиц в целом разнообразнее, чем в Конституции РФ. В то же время надо понимать, что лексика с семантикой единения в рассмотренном материале не исчерпывается единицами с соответствующей корневой морфемой. К примеру, она включает также слова разных частей речи с морфемами *меж-/между-*, *взаимо-*, *обще-* и *цел-*, другие единицы [Дубровская 2020а; 2020б]. Задача исчисления и систематизации такой лексики, вероятно, не может быть решена одномоментно, и целесообразным представляется исследование ее с опорой на морфемный принцип. Далее в статье мы рассматриваем только три обозначенных выше документа, и все приводимые количественные данные относятся к этому корпусу.

Единство. М. В. Гаврилова пишет, что слово *единство* является «ключевым концептом русского политического дискурса начала XXI века», который был всегда положительно маркирован в общественном сознании [Гаврилова 2010: 18]. Востребованность лексемы *единство* явно обнаруживается и в текстах государственных программных документов, где она встречается 22 раза.

Лексема *единство* используется в составе следующих словосочетаний: *единство многонационального народа Российской Федерации (российской нации)*; *гражданское единство*; *гражданское единство многонационального народа Российской Федерации*; *единство Российской Федерации*; *духовное и гражданское единство многонационального народа Российской Федерации*; *единство правового пространства*; *единство правового и гуманитарного пространств континента*; *государственное единство Российской Федерации*; *единство российской нации*; *общероссийское единство*; *единство народов*; *единство российского общества*; *историческое единство народов России*; *единство Сирийской Арабской Республики*; *единство культур многонационального народа Российской Федерации*. В перечисленных субстантивных словосочетаниях существительное *единство* выступает в качестве главного слова, а зависимые единицы (прилагательные, существительные) служат для конкретизации его семантики.

В толковом словаре значение лексической единицы *единство* фактически объясняется через синонимы: «1. Общность, полное сходство. 2. Цельность, сплоченность. 3. Неразрывность, взаимная связь» [Ожегов, Шведова 1997: 186]. Полагаем, что в контексте рассматриваемых программных документов лексическая единица *единство* реализует второе и третье значения, связанные со сплоченностью некоторых элементов действительности или неразрывной связью между ними. Как видно из приведенных словосочетаний, в разных контекстах *единство* выступает свойством не только некоторого количества отдельных акторов (граждан — *гражданское единство*; народов — *единство народов*), но и коллективных акторов как собирательного целого (государство, российская нация, народ Российской Федерации, общество, Российская Федерация), а также абстрактных сущностей (правовое пространство, гуманитарное пространство, дух, культура). Таким образом, *единство* является для ряда категорий социальных акторов семантическим предикатом, характеризующим отношения между разными акторами или отношения между составными элементами одного коллективного актора.

Проводя некоторые параллели с результатами исследования Гавриловой, отметим актуальность положения о расширении предметного значения слова *единство*, которое «используется со словами, обозначающими различные элементы социальной системы... описывает отношения между людьми... сочетается со словами, обозначающими элементы нематериальной мыслительной сферы» [Гаврилова 2010: 15]. Исследовательница также утверждает, что «единство было связано с сохранением территорий» и «согласуется со словами, имеющими сему “практическая деятельность”» [Гаврилова 2010: 15–16]. Однако наш материал показывает, что лексема *единство* не сочетается с обозначениями конкретных материальных явлений, а для выражения идеи территориального единства существует устойчивая коллокация — *территориальная целостность*. В материале она встречается 11 раз (см. рис. 2), тогда как поисковые запросы «территориальное единство» и «единство территорий» не дают ни одного результата в исследуемом материале.

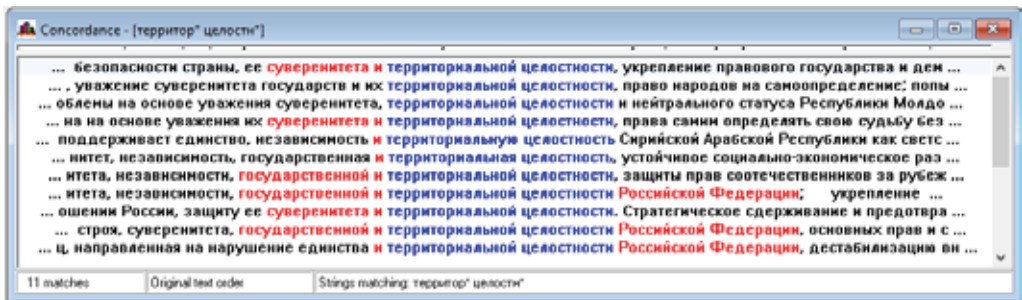

Рис. 2. Коллокация *территориальная целостность*

Рассмотрим некоторые более объемные контексты с выявленными словосочетаниями с лексемой *единство*. В составе общих положений СГНП представлены ее цели:

- (1) Настоящая Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и це-

лостности Российской Федерации, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, обеспечения конституционных прав и свобод граждан, **гармонизации** общественных и государственных интересов, а также в целях **координации** деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления (далее также — государственные органы и органы местного самоуправления) и их **взаимодействия** с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации... (СГНП, п. 2).

В данном фрагменте единство и целостность заявлены как цель, а интересующее нас словосочетание в *целях укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации* стоит в таком лингвистическом окружении, которое включает целый ряд других лексических единиц со значением единства: *целостности, гармонизации, координации, взаимодействия*. Не будучи абсолютными синонимами, они тем не менее являются носителями очень близких лексических значений и в совокупности усиливают семантику единения. Иными словами, семантика единения присуща уже не отдельным единицам, а содержанию текста в целом. Дискурсивный механизм сочетания целого ряда лексических маркеров с семантикой единения обнаруживают А. В. Щетинина и А. С. Семехина, анализируя репрезентации идеи национального единения в медийном дискурсе:

Сочетание *национальное единение* в заголовке поддерживается в тексте при помощи сопроводительных лексических маркеров: местоимения *мы*, повторяющегося неидиоматического составного выражения *общими усилиями*, наречием *вместе* и др.» (курсив в источнике. — Т. Д.) [Щетинина, Семехина 2021: 19].

Вероятно, можно считать такой дискурсивный механизм универсальным и характерным для разных типов дискурса, задействованных в конструировании и продвижении идеи единства.

Приведем другие примеры, иллюстрирующие данное положение:

- (2) ...**гражданское единство** — основа российской нации, признание гражданами Российской Федерации суверенитета государства, его **целостности, единства** правового пространства, **этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации**, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, **солидарность** граждан в достижении целей и решении задач развития общества (СГНП, п. 4.2).
- (3) Происходит **консолидация** гражданского общества вокруг **общих ценностей**, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, **межнациональный мир и согласие, единство** культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и профессиональных традиций, патриотизм (СНБ, п. 11).

Как и в примере (1), обнаруживаем контекстуальные синонимы единства (*целостность, солидарность, консолидация, мир, согласие*). Гражданское единство является как основа существования нации и как ценность, вокруг которой происходит консолидация общества. Кроме этого, отметим еще одну контекстуальную

особенность актуализации семантики единства. Единство концептуализируется также через указания на различия: этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации, единство культур многонационального народа Российской Федерации представлены как аспекты единства страны. Таким образом, единство не обязательно построено на общности и полном сходстве, как это вытекает из первого словарного значения единицы, а состоит в факте объединения различающихся характеристик (культур, языков) или различающихся социальных акторов (народов, национальностей):

- (4) Основными направлениями государственной национальной политики Российской Федерации являются... сохранение и приумножение духовного, исторического и культурного наследия и потенциала **многонационального** народа Российской Федерации (российской нации) посредством пропаганды идей патриотизма, **единства** и дружбы народов, **межнационального (межэтнического)** согласия (СГНП, п. 21.1).

С точки зрения комбинаторики важно отметить еще одну характеристику лексической единицы *единство*. Приведенные ранее простые словосочетания всегда используются в составе сложных, выражающих объектные отношения. При этом объектом действия (или воздействия) является *единство*: *укрепление гражданско-го единства*; *влияние на гражданское единство*; *развитие духовного и гражданского единства многонационального народа Российской Федерации*; *формирование общероссийского единства*; *пропаганда идей единства и дружбы народов*; *признание единства правового пространства*; *поддерживать единство Сирийской Арабской Республики*; *обеспечивать единство правового и гуманитарного пространств*.

Стержневыми словами в данных объектных словосочетаниях выступают глаголы и отглагольные существительные с процессуальным значением и значением воздействия, а лексическая единица *единство* или простое словосочетание с ней несут объектное значение. *Единство* представлено в текстах документов как социально конструируемая категория и объект регулирования, который в рамках национальной политики подвержен укреплению, влиянию, развитию, формированию, пропаганде и т. д. При этом объектные словосочетания имеют положительно-оценочную семантику, поскольку указывают на социально одобряемые созидающие действия (формирование, укрепление, поддержка и др.). Наиболее частотная единица, с которой *единство* вступает в объектные отношения, — это существительное *укрепление* (10 словосочетаний), из чего следует, что единство представляет собой одну из приоритетных государственных целей.

Нежелательные виды воздействия на единство представлены в других объектных словосочетаниях: *нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации*; *ослабление единства многонационального народа Российской Федерации*, — которые содержатся в описании возможных угроз национальной безопасности России в СНГ:

- (5) Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и **ослабление единства многонационального народа Российской Федерации** путем внешней культурной и информационной экспансии (СНБ, п. 79).

- (6) Основными угрозами государственной и общественной безопасности являются... деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на **нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации**, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей (СНБ, п. 43).

Таким образом, конструируемое в текстах единство как государственная и общественная ценность находится под воздействием противоположно направленных сил: с одной стороны, сил созидательных и поддерживающих, с другой — сил разрушительных. Однако богатство и количественное преобладание словосочетаний с положительно-оценочной семантикой создает репрезентацию единства страны, находящегося под защитой государства: из 22 употреблений объектных словосочетаний с лексемой *единство* только два имеют негативный контекст с семантикой угрозы.

Единый. Лексическая единица *единый* имеет следующие словарные толкования: «1. Один, общий, объединенный. 2. обычно с отрицанием. Один, только один» [Ожегов, Шведова 1997: 186]. Прилагательное *единый* используется в текстах документов в составе нескольких сложных субстантивных словосочетаний как характеристика разных **общественных сущностей и явлений**, которые можно разделить на две группы:

- **материальные:** *единое транспортное пространство; единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; единая государственная система профилактики преступности; единые критерии оценки работы лечебно-профилактических учреждений;*
- **нематериальные,** в числе которых выделяются сущности **духовно-нравственные** (*единый культурный (цивилизационный) код; единая российская культура; единое культурное пространство страны; единые принципы и ценности, такие как патриотизм, служение Отечеству...*; **единые духовно-нравственные и культурно-исторические ценности**) и **политико-правовые** (*единые подходы к решению вопросов государственной национальной политики; единая внешнеполитическая линия Российской Федерации; единые международно-правовые принципы*).

Обратим внимание, что в отличие от лексики *единство*, которая используется в контекстах, связанных с нематериальными сущностями, слово *единый* также актуализирует свое значение и в сочетаниях с существительными, обозначающими элементы предметного мира: *транспортное пространство, система профилактики преступности, критерии оценки* и т. д. Кроме того, лексема *единый* берет на себя актуализацию значения «общность, полное сходство», не реализуемого словом *единство*. Таким образом, однокоренные слова дифференцированно реализуют свою смысловую нагрузку: через прилагательное *единый* создаются репрезентации общих, одинаковых аспектов социальной жизни, а существительное *единство* актуализирует смысл «сплоченность, связь, общность разного».

Во всех словосочетаниях прилагательное *единый* вступает в адъективные отношения с главным словом, существительным, обозначающим некоторый аспект социальной жизни. В т. ч. речь идет о культуре:

- (7) Общероссийская гражданская идентичность основана на **сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам**, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество **объединяет единый культурный (цивилизационный) код**, который основан на **сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия** всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие **общечеловеческие принципы**, как уважение **самобытных традиций народов**, населяющих Российскую Федерацию, и **интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру** (СГНП, п. 11.1.).

Посредством утвердительных высказываний единство культуры концептуализируется как объединение разного (*самобытных традиций народов*) на основе общего (*общечеловеческие принципы*). Контекстуально семантика единения актуализируется широким спектром лексических средств: не только с корневой морфемой *-един-* (*объединяет, единый, единую*), но и другими единицами (*общечеловеческие, интегрирование*), а также конструкцией с причастным оборотом (*культурная доминанта, присущая всем народам*).

Кроме того что единство конструируется как категория, характеризующая нынешнее состояние государства в разных его аспектах, оно выступает и как категория историческая. Историческая преемственность получает выражение в ряде формулировок: *сохранении русской культурной доминанты; сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия*.

Таким образом, можно говорить о нескольких измерениях единства: материальном (единство инфраструктуры страны), пространственном (единство территории), ценностном (единство общественных ценностей и установок) и темпоральном (историческая и межпоколенческая преемственность).

Включение в контексты о национальном единстве лексики с положительно-оценочной коннотацией (*общечеловеческие принципы, лучшие достижения*) формирует аксиологический фокус текста: признание единства важным и необходимым условием развития российского общества.

Единение и объединение. Абстрактное существительное *единение*, имеющее семантику процессуальности и определяемое словарем как «тесная связь, приводящая к единству, сплоченности» [Ожегов, Шведова 1997: 186] и имеющее помету (*высок.*), встречается только единожды в качестве стержневого слова в субстантивном словосочетании *единение народов*:

- (8) Российское государство создавалось как **единение народов**, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря **объединяющей** роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому **взаимодействию** на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная **общность** различных народов, приверженных **единым** принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, *созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм* (СГНП, п. 11).

Абстрактная категория «единение народов» получает в тексте толкование через ряд других абстрактных категорий, выраженных лексикой с семантикой единения (*взаимодействие, общность, взаимопомощь, коллективизм*), в том числе и одно-коренными единицами *объединяющей* и *единым*. Процессуальный характер «единения народов» обусловлен, во-первых, словообразовательной структурой слова *единение*, поскольку отглагольные существительные среднего рода с суффиксом *-ени|j|*- «совмещают в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действия, состояния) со значением существительного как части речи» [Русская грамматика 1980: 155]. Во-вторых, он также актуализируется в контексте. Основной смысл предложения состоит в описании процесса создания государства — отсюда несовершенный вид глагола *создавалось*, который также имеет семантику процессуальности, незавершенного действия.

Притом что в материале рассматриваемых программных документов лексема *единение* оказывается практически невостребованной, Щетинина и Семехина обнаруживают значительное количество контекстов (300 фрагментов) со словосочетанием *национальное единение* в журнальных и газетных публикациях [Щетинина, Семехина 2021: 20]. Полагаем, что именно в силу своей семантики процессуальности лексема *единение* не используется в юридическом и политико-правовом дискурсе, поскольку основная задача текстов правовой сферы состоит в представлении идеальной картины будущего, подчеркивающей результат, свершившийся факт. По этой причине в правовой сфере мы видим количественное преобладание лексемы *единство*, имеющей семантику финального результата, завершенности.

Существительное *объединение*, напротив, в большинстве контекстов имеет предметное значение и используется для обозначения не процесса или состояния, а социальных структур, организаций. В тексте документа упоминаются в частности: *общественные объединения; молодежные и детские общественные объединения; этнокультурные объединения; межнациональные общественные объединения; этнокультурные и общественные объединения; объединения соотечественников, проживающих за рубежом; религиозные объединения (страны); национально-культурные общественные объединения; международные организации и объединения в различных частях мира; культурно-гуманитарные объединения; многосторонние объединения... Латинской Америки и Карибского бассейна; межгосударственные объединения; региональные объединения... государств.*

Объединения фигурируют в тексте документа как некие обобщенные типы организаций, а используемые определения указывают на участие граждан в организациях, образованных на основе самых разных объединяющих признаков (возраст, этнокультура, религия, место проживания). Таким образом, создается репрезентация общества, граждане которого активно взаимодействуют друг с другом и консолидированы. Кроме того, документы включают указания на международные объединения, объединения в других государствах и взаимодействие России с ними:

- (9) Российская Федерация, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участником целого ряда влиятельных международных организаций, региональных структур, механизмов **межгосударственного диалога и сотрудничества**, обладая значительными ресурсами во всех областях жизнедеятельности, интенсивно развивая в рамках своего внешнеполитического курса отношения с ведущими государствами, международными организациями и **объединения**-

ми в различных частях мира, способствует формированию *позитивной, сбалансированной и объединительной* международной повестки дня (КВП, п. 20).

Как видно из примера (9), контекст содержит другие единицы с семантикой единства (*сотрудничество, диалог, объединительной*) и имеет положительный аксиологический статус, обусловленный использованием лексики с положительно-оценочными коннотациями (*позитивной, сбалансированной*).

Контексты, указывающие на объединения и имеющие отрицательный аксиологический статус, единичны и касаются радикальных объединений. Так, угрозой государственной безопасности признается:

- (10) ...деятельность **радикальных общественных объединений и группировок**, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей (СНБ, п. 43).

С точки зрения языковой системы лексема *объединение* имеет нейтральный аксиологический статус. В примере (10) ее отрицательно-оценочная семантика конструируется контекстуально, за счет использования в составе коллокации *радикальных объединений и группировок*. Атрибутивный характеристизатор *радикальный* и существительное *группировка*, получившее в последние десятилетия отрицательную коннотацию, обуславливают контекстную отрицательную семантику. Кроме того, предложение в целом содержит большое количество лексики с семантикой разъединения, негативно характеризующей идеологию и действия объединений (*националистическую, религиозно-экстремистскую, нарушение, дестабилизацию, инспирирование, разрушение*). Таким образом, в данном фрагменте противопоставляются единство и целостность России, с одной стороны, и представляющие угрозу этому единству деструктивные объединения, с другой стороны.

Глагольные формы с корневой морфемой -един-. Такие глагольные формы включают глаголы *объединять* и *присоединиться*, а также причастия: действительное *объединяющий* и страдательное *объединенный*. Полные контексты с глаголом *объединять* и действительным причастием приводились ранее (примеры (7)–(8)). Из них видно, что функция объединения приписывается культурному коду, русскому народу, а в качестве объектов воздействия представлены другие народы.

Глагол *присоединиться* использован в контексте международных отношений России и служит для описания конструктивных намерений других международных акторов-государств. Контекст имеет положительный аксиологический статус:

- (11) Особое внимание уделяется работе со странами, проявляющими **желание присоединиться** к Организации (Шанхайской организации. — Т.Д.) в качестве ее полноправных членов (СНБ, п. 92).

Страдательное причастие *объединенных* используется только в названии ООН при описании основных направлений государственной национальной политики России:

- (12) ...налаживание партнерских отношений в рамках **Организации Объединенных Наций, Организации Объединенных Наций** по вопросам образования, науки и культуры, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы, Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств и других международных организаций, поддержка инициатив институтов гражданского общества, религиозных организаций в сфере государственной национальной политики Российской Федерации (СГНП, п. 21.1).

Несложно заметить, что другие организации также включают в свои названия единицы с семантикой единения (*сотрудничество, содружество*), что, очевидно, вытекает из их общих целей (*налаживание партнерских отношений*). Представляя намерения России на международной арене под эгидой ООН, КВП констатирует содействие России «единообразному толкованию и применению» международных договоров ООН (КВП, п. 26). Лексема *единообразный* актуализирует смысл международного единения акторов через механизмы правоприменения, общее правовое пространство.

Выводы

Лексические единицы с корневой морфемой *-един-* востребованы в рассмотренных текстах программных документов Российской Федерации в качестве маркеров единения, что обусловлено прагматической направленностью текстов на представление единства как желаемого состояния общества, основополагающей ценности в российском обществе и государстве. Эти единицы задействованы в дискурсивных механизмах, направленных на создание и кодификацию социальных категорий и отношений между социальными акторами. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее востребованной единицей является существительное *единство*. Тексты политико-правовой сферы ориентированы на создание идеальной репрезентации будущего, подчеркивающей результат, свершившийся факт, и лексема *единство*, имеющая семантику финального результата, отвечает таким задачам. Существительное *единение*, напротив, имеет семантику процессуальности и практически не используется в политико-правовом дискурсе.
2. Лексемы с морфемой *-един-* дифференцированно используются в разных контекстах: тогда как лексема *единство* используется в сочетаниях, связанных с нематериальными сущностями, слово *единный* актуализирует свое значение также в сочетаниях с существительными, обозначающими элементы предметного мира. Ряд социальных реалий, связанных с государственным единством, требует для обозначения других устойчивых коллокаций (*территориальная целостность*).
3. Однокоренные слова также дифференцированно реализуют свою смысловую нагрузку: актуализируя смысл «сплоченность, связь, общность разного», существительное *единство* не реализует свое первое значение «общность, полное сходство», и эту функцию принимает на себя прилагательное *единный*.

4. В текстах программных документов единицы с корневой морфемой *-един-* окружены однокоренными единицами и другими единицами с семантикой единения. Высокая частотность единиц с семантикой единения приводит к тому, что такая семантика характеризует содержание текстов в целом, и это актуализирует их функционально-прагматический потенциал — направленность на продвижение идей единства и единения.
5. С точки зрения языковой системы слова с морфемой *-един-* имеют нейтральный или положительный аксиологический статус. Отрицательно-оценочная семантика может конструироваться контекстуально, за счет использования этих единиц в сочетаниях с атрибутами, имеющими отрицательную коннотацию. Для таких контекстов также характерна лексика с семантикой разъединения, негативно характеризующая идеологию и действия деструктивных объединений.
6. Структурно разные типы словосочетаний, в которых используются лексические единицы с корневой морфемой *-един-*, позволяют по-разному концептуализировать единство как идеальное состояние общества. Во-первых, это свойство, характеризующее субъект действия, и, во-вторых, это объект конструирующего воздействия государства.
7. Единство концептуализируется как состояние разных общественных сущностей и конструируется в нескольких измерениях: материальном (единство инфраструктуры страны), пространственном (единство территории), ценностном (единство общественных ценностей и установок) и темпоральном (историческая и межпоколенческая преемственность).

Перспектива данного исследования видится в расширении охвата лексики с семантикой единения, составлении списка таких единиц, характерных для юридического и политико-правового дискурса, а также в изучении оппозиционных семантических отношений единения и вражды, конструируемых в контексте.

Словари и справочники

- Ожегов, Шведова 1997 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник, 1997.
- Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика*. В 2 т. Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Т. 1. М.: Наука, 1980.
- Тихонов 1990 — Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1990.

Литература

- Вепрева и др. 2006 — Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Вепрева И. Т., Купина Н. А., Михайлова О. А. (ред.). Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
- Гаврилова 2010 — Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX–XXI веков. *Политическая лингвистика*. 2010, (4): 13–18.
- Генералова 2018 — Генералова Е. В. Русская историческая лексикография: текстоцентрический и словоцентрический подходы. *Вопросы лексикографии*. 2018, (13): 7–22.
- Голев 2019 — Голев Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект. *Вопросы лексикографии*. 2019, (16): 113–137.

- Джиоева, Тамерьян 2017 — Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Реализация концептов единство/иудзинад в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия. *Политическая лингвистика*. 2017, (4): 53–59.
- Дубровская 2017 — Дубровская Т. В. Концептуализация межнациональных отношений в юридическом дискурсе. В кн.: Дубровская Т. В., Рева Е. К., Кожемякин Е. А., Ярославцева Я. А., Арехина Д. В. *Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации*. Дубровская Т. В. (ред.). М.: Флинта; Наука, 2017. С. 99–165.
- Дубровская 2020a — Дубровская Т. В. Дискурсивное конструирование единения в Концепции внешней политики РФ: лексика с морфемами меж-/между-, взаимо- и обще- (опыт интегративного подхода). *Культура и текст*. 2020, 4 (43): 196–213.
- Дубровская 2020b — Дубровская Т. В. Лексика с семантикой единения в тексте Конституции Российской Федерации. В сб.: *Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: м-лы IV Междунар. науч.-практ. конф.* (13 октября 2020 г., г. Орел). Орел, 2020. С. 75–80.
- Жаде 2020 — Жаде З. А. Векторы (дез)интеграции в полиэтничном обществе в условиях непосредственного глобального риска. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2020, 3 (264): 185–190.
- Кожемякин 2008 — Кожемякин Е. А. *Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры*. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2008.
- Михайленок 2013 — Михайленок О. М. Концепт «согласие» в российском политическом дискурсе. В кн.: *Согласие в обществе как условие развития России*. Михайленок О. М., Люблинский В. В. (ред.). Вып. 3. Политическое согласие: стратегии и реальность. М.: Ин-т социологии Рос. акад. наук, 2013. С. 9–25.
- Мушинский 2015 — Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом. *Юридическая техника*. 2015, (9): 488–499.
- Пятаева 2003 — Пятаева Н. В. Понятие лексического гнезда в современной лингвистике (к проблеме квалификации и классификации). *Филологический класс*. 2003, (9): 41–48.
- Ручкин 2015 — Ручкин Б. А. Российское общество: патриотизм XXI века. *Философия и современность*. 2015, (1): 52–70.
- Сауткина 2019 — Сауткина В. А. Общественный запрос на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019, 20 (2): 70–85.
- Щетинина, Семехина 2021 — Щетинина А. В., Семехина А. С. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2021, 1 (213): 18–27.
- Baxter, Wallace 2009 — Baxter J., Wallace K. Outside in-group and out-group identities? Constructing male solidarity and female exclusion in UK builders' talk. *Discourse & Society*. 2009, 20 (4): 411–429.
- Lipovsky 2008 — Lipovsky C. Constructing affiliation and solidarity in job interviews. *Discourse & Communication*. 2008, 2 (4): 411–432.
- Mango 2010 — Mango O. Enacting solidarity and ambivalence: Positional identities of Arab American women. *Discourse Studies*. 2010, 12 (5): 649–664.
- Parepa 2017 — Parepa L.-A. Rebuilding national unity through discourse in China: strategic narrative and concordance, *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage*. 2017, (33). <http://journals.openedition.org/tipa/1871> (дата обращения: 15.03.2021).
- Sowińska, Dubrovskaya 2012 — Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive construction and transformation of 'us' and 'them' categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view. *Discourse & Communication*. 2012, 6 (4): 449–468.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2021 г.
Статья рекомендована к печати 12 сентября 2022 г.

Lexical markers of unity in Russia's state programmatic documents: Words with the morpheme *-edin-**

For citation: Dubrovskaya T. V. Lexical markers of unity in Russia's state programmatic documents: Words with the morpheme *-edin-*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (4): 740–759. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.406> (In Russian)

The paper explores lexicon derived from the Russian stem morpheme *-edin-* as markers of the semantics of unity. The author reveals how these lexical units function and codify social categories. The data include legal-political discourse, i.e. state strategies and concepts that codify social processes, including association and disassociation of social actors. Methodologically, the paper draws on lexical semantics, semantic syntax, discourse analysis and social constructionism assumptions. A set of research operations involves defining the list of the lexical units, discovering their syntagmatic relations, describing their semantics in context, as well as disclosing functional resources of this lexical group. Eleven words with the stem morpheme *-edin-* (used 80 times altogether) have been identified. These words are surrounded by their derivatives and other words that carry the semantics of unity, which predetermines promoting the ideas of unity through the texts. The lexemes are used discriminately in different contexts and realize the set of their meanings in a distinctive way. In terms of language system, the words with the stem morpheme *-edin-* have a neutral or positive axiological status; however, negative semantics can be constructed in context, through the attributes with negative connotations. Structurally different word combinations allow for varying conceptualizations of unity: as a quality that characterizes subjects of activities, and as an object that is regulated by the state. Unity is conceptualized as a characteristic of four various dimensions: materialistic (unity of the country's infrastructure), spacial (territorial unity), axiological (unity of social values) and temporal (historical and generation continuity).

Keywords: lexicon, semantics of unity, word combination, context, legal-political discourse.

References

- Вепрева и др. 2006 — The language of animosity and accord in modern socio-cultural context. Vepreva I. T., Kupina N. A., Mkhailova O. A. (eds). *Trudy Ural'skogo MIONa*. Issue 20. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Uralskogo universiteta Publ., 2006. (In Russian)
- Гаврилова 2010 — Gavrilova M. V. The development of meaningful forms of the concept 'unity' in Russian political discourse of the 20th–21st centuries. *Politicheskaja Lingvistika*. 2010, (4): 13–18. (In Russian)
- Генералова 2018 — Generalova E. V. Russian historical lexicography: text-oriented and word-oriented approaches. *Voprosy leksikografii*. 2018, (13): 7–22. (In Russian)
- Голев 2019 — Golev N. D. Discourse dictionary of dialect lexis of the latest time (based on Runet): innovative lexicographic project. *Voprosy leksikografii*. 2019, (16): 113–137. (In Russian)
- Джигоева, Тамерьян 2017 — Dzhioeva V. P., Tameryan T. Yu. The realization of the concepts unity/iudzinad in South Ossetian political discourse in the context of Russian-Ossetian bilingualism. *Politicheskaja Lingvistika*. 2017, (4): 53–59. (In Russian)

---

* The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Vocabulary and Phraseology: Language Data and Discourse”).

- Дубровская 2017 — Dubrovskaya T. V. Conceptualisation of interethnic relations in legal discourse. In: *Political, legal and mass media discourse in terms of construction of international and interethnic relations of the Russian Federation*: collective monograph. Dubrovskaya T. V., Reva E. K., Kozhemyakin E. A., Iaroslavtseva Y. A., Arekhina D. V., Dubrovskaya T. D. (eds). Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2017. P. 99–165. (In Russian)
- Дубровская 2020a — Dubrovskaya T. V. Discursive construction of unity in Foreign policy concept of the Russian Federation: lexis with morphemes *mez-*/*mezhd-*, *vzaimo-* and *obsche-* (integrative approach). *Kul'tura i tekst*. 2020, 4 (43): 196–213. (In Russian)
- Дубровская 2020b — Dubrovskaya T. V. Lexis with the semantics of unity in the text of the Constitution of the Russian Federation. In: *Iazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia: izuchenie i obuchenie. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (13 oktiabria 2020 g., g. Orel)*. Oriol, 2020. P. 75–80. (In Russian)
- Жаде 2020 — Zhade Z. A. Vectors of (dis)integration in a multiethnic society in the context of immediate global risk. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020, 3 (264): 185–190. (In Russian)
- Кожемякин 2008 — Kozhemyakin E. A. *Discourse approach in institutional culture studies*. Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2008. (In Russian)
- Михайленок 2013 — Mikhailenok O. M. The concept 'accord' in Russian political discourse. In: *Accord in society as a condition for development of Russia*. Mikhailenok O. M., Liublinskii V. V. (eds). Issue 3. Political accord: strategies and reality. Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2013. P. 9–25. (In Russian)
- Мушинский 2015 — Mushinskii M. A. Strategies, concepts and doctrines in the legal system of the Russian Federation: the issue of status, legal writing and correspondence. *Iuridicheskaiia tekhnika*. 2015, (9): 488–499. (In Russian)
- Пятаева 2003 — Piataeva N. V. The notion of a lexical group in modern linguistics (the issue of qualification and classification). *Filologicheskii Klass*. 2003, (9): 41–48. (In Russian)
- Ручкин 2015 — Ruchkin B. A. Russian society: patriotism in the 21st century. *Filosofia i sovremennost'*. 2015, (1): 52–70. (In Russian)
- Сауткина 2019 — Sautkina V. A. Request for solidarity in a society: historical retrospective and current reality. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*. 2019, 20 (2): 70–85. (In Russian)
- Щетинина, Семехина 2021 — Shchetinina A. V., Semekhina A. S. Linguistic representation of the national unity in media discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021, 1 (213): 18–27. (In Russian)
- Baxter, Wallace 2009 — Baxter J., Wallace K. Outside in-group and out-group identities? Constructing male solidarity and female exclusion in UK builders' talk. *Discourse & Society*. 2009, 20 (4): 411–429.
- Lipovsky 2008 — Lipovsky C. Constructing affiliation and solidarity in job interviews. *Discourse & Communication*. 2008, 2 (4): 411–432.
- Mango 2010 — Mango O. Enacting solidarity and ambivalence: Positional identities of Arab American women. *Discourse Studies*. 2010, 12 (5): 649–664.
- Parepa 2017 — Parepa L.-A. Rebuilding national unity through discourse in China: strategic narrative and concordance, *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage* [Online]. 2017, (33). <http://journals.openedition.org/tipa/1871> (accessed: 15.03.2021).
- Sowińska, Dubrovskaya 2012 — Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive construction and transformation of 'us' and 'them' categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view. *Discourse & Communication*. 2012, 6 (4): 449–468.

Received: March 16, 2021
Accepted: September 12, 2022